

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

Улицы нестрогих дев

ФРАГМЕНТ ИЗ КНИГИ

Еще до выхода в свет этой книги доводилось слышать недоуменные вопросы типа: "С чего это вдруг вы выбрали темой ее проституцию, или другой не было?" Позволю себе ответить по-одесски вопросу на вопрос: "Другой было. Но кто сказал или где написано, что в истории Одессы есть хоть одна страница, которая не должна быть открыта и прочитана пусть даже много лет спустя?"

Многие приезжие люди, в том числе — иностранцы, первым делом просят показать Молдаванку. Не Пересыпь, не Фонтаны и не центр города, а именно Молдаванку. И на вопрос о причине такого избирательного интереса неизменно отвечают, что, дескать, читали о ней в "Одесских рассказах" Исаака Бабеля и непременно хотят увидеть своими глазами. Правда, раньше него о Молдаванке написал Семен Юшкевич в повести "Улица", но она там названа "окрайной" и не всеми вне Одессы узнаваема была. К тому же повесть автора-белоэмигранта в советские времена не печаталась, а за границей и вообще не была известна. У Бабеля же, который родился там, Молдаванка не только названа, но Алексеевской и Серединской площадями представлена и улицами: Костецкой, Головковской, Прохоровской, Дальницкой, Балковской. По его словам, "дворы Глухой <...> не оскудевали. Они кишели детьми, как устья рек икрой". И "налетки проехали на глухую улицу к публичному дому Иосыки Самуэльсона", как написано о том в рассказе "Отец".

Бабеля, верного поклонника творчества Ги де Мопассана, привлекала тема продажной любви и нестрогих дев возможностью разглядеть в них человека, гаммой страданий, обостренностью чувств, многообразием и неожиданностью ситуаций. У него есть трогательный рассказ "Илья Исаакович и Маргарита Прокофьевна", в разных вариациях полностью или фрагментарно эта тема проходит в рассказах "Иисусов грех", "Мой первый гонимый", "Улица Данте", "Старательная женщина". "В щелочку". Об Иосыке, которому Бабель дал фамилию Самуэльсон, рассказ не написан, но упоминание его, в отличие от других произведений, настолько документально, что земляки-современники писателя с первого прочтения понимали, о ком и о чем идет речь.

В первом издании рассказа "Отец", включенного Бабелем в сборник 1925 года, слово "Глухая" напечатано с прописной буквы как название улицы, нынешней Запорожской, и, следовательно, имя собственное. Но во всех последующих прижизненных изданиях рассказа оно уже печаталось со строчной буквы — "глухая", являя собой прилагательное. И это, скорее всего, не есть недосмотр, поскольку Бабель всегда сам держал корректуру. Более того, он часто в который раз что-то редактировал, дополнял, сокращал, заменял, поскольку для него не было проходных слов, каждое было тщательно отобрано и подогнано к другим так, чтобы восприятие читателя не споткнулось на их стыке, как добросовестный мастер подгоняет паркетину к паркетине, чтобы, не дай Бог, не споткнулся человек. И он, возможно, посчитал, что читателю, не удостоившемуся счастья и чести родиться одесситом, совершенно все равно, как называлась улица, на которой было заведение Иосыки. А как прилагательное слово имеет определенный смысл — налетчики торжественно ехали в дом терпимости, расположенный не в центре города, а на их родной Молдаванке, но в какой-то там глухомани. Поскольку же канонически принято считать текст последней прижизненной публикации литературного произведения, с тех пор так и печатается — "глухая".

А как иначе ее можно было назвать, если еще в середине 1870-х годов тротуаров и мостовой там в помине не было, летом над дорогой стояла сплошная пыль. Осенью же дорога была совершенно развезена, а зимой ухабы и рытвины замерзали так, что извозчики ни за какие деньги не соглашались туда ехать, опасаясь за целостность своих экипажей: "Да ну ее! Еще сломаю ось!" Имелась в виду, конечно, не гражданка по имени Ося, а ось колес.

С конца 1890-х годов на Глухой, 26 (по нынешней нумерации), в доме мещанина Александра Гуковского, был дом терпимости Эстер Абрамовны Фельдман. На первом этаже там имелась небольшая зала, на втором — комнаты девушек, маленькие, полу-

темные, поскольку без окон и с одной только фрамугой над дверями, выходящими в коридор. Словом, не все было так, как, по разумению хозяйки, должно быть в "приличном заведении". А потому ближе к концу первого десятилетия XX века дом терпимости Фельдман перешел в помещения на Глухой, 10, которые до этого занимало переведенное на другую улицу такое же заведение мадам Могилевской. И наступили звездные годы этого заведения, всеми делами фактически занимался муж официальной содержательницы херсонский мещанин Иосиф Вульфвич Фельдман, которого Исаак Бабель по этическим соображениям назвал Самуэльсоном, а клиенты и даже извозчики попросту именовали Иосей.

Известность к заведению пришла быстро, а извозчики, услышав "К Иосыке", направлялись прямо на Глухую, куда, казалось, даже лошади их знали дорогу. Комнаты девушек там были светлые, с "устройством для умывания", как значилось в протоколах санитарных осмотров. Здесь они принимали клиентов часов с пяти — девяти вечера до пяти часов утра, после чего спали до трех часов, проснувшись, обедали в отдельной комнате, отобедав, возвращались к себе и приводили себя в такой вид, какой им нужно было иметь, ожидая в зале клиента.

Зала была просторная, а стены расписаны картинами, близкими к назначению заведения, но не порнография это была, как в борделях древнеримских городов, а, скорее, эротика. В углу залы стояло пианино, но не отыгравшее свое уже много лет назад, не разбитый топчан, как называл такие один ресторанный музыкант "с раннего времени", а вполне еще пригодное для использования в заведении, в котором не фортепианные концерты давали, а нечто другое. И тапер играл на нем новомодные танцы вальс-бостон да танго, под которые успевшие сложиться парочки танцевали, и кто-то из подвыпивших клиентов, случалось, напевал сочиненную на мелодию танго фольклорную песенку "На Дерибасовской открылась пивная./ Там собиралась компания блатная". Музыка туда многих привлекала, и в рассказе "Записки моего современника" Лев Вениаминович Никулин, который годом раньше Исаака Бабеля окончил Одесское императора Николая I коммерческое училище, написал "В припортовом погребке "Порт-Артур" у пана Михальского пьяный матрос с "Вампоа": "Музыку! Дай музыку! А то уйду на Глухую к Иосыке!"

У Фельдманов было двое детей. В 1903 году родился Ента, которую потом звали Леной, а через два года — Калман, будущий Коля, потом — Николай Иосифович. Поскольку по тогдашним разумным правилам малолетние дети не могли жить в доме, где располагалось заведение, они жили у родственников, а когда выросли, зажили своей жизнью.

Известность человека разной бывает, и память о нем — такой же. А от безжалостной людской молвы нигде не скрыться, и еще в 1930-х годах Лене, даже захоти она, это тоже не удалось бы, так как жила она с мужем и детьми на давно уже переименованной Глухой, 18, через три дома от того места, где было когда-то заведение папы. И в периодически вспыхивающих дворовых сварах соседи кричали ей, будто в чем-то перед ними виноватой: "Ты! Дочка Иосыки!" А она ни в чем и не перед кем виноватой не была, и вообще, нам не судить родителей своих, которых мы не выбираем. Поэтому, может быть, благо разумно поступила дочь Миши Япончика Адель, которая воспитывалась у бабушки Добы Зельмановны Винницкой в квартире № 40 на первом этаже правого дворового флигеля дома на Госпитальной, 23. Отца она не помнила, поскольку ей еще года не было, когда летом 1919 года его, тогда уже командира "54-го стрелкового полка имени тов. Ленина", большевики, как последнего урку, расстреляли без суда и следствия на железнодорожной станции "Вознесенск". Но она хорошо помнила, как соседские ребята, освещенные, наверное, благодаря взрослым, прыгали во дворе вокруг бабушки с криками "Беня Крик! Беня Крик!", после того как в кинотеатрах показывали снятый по сценарию Бабеля и вскоре запрещенный одноименный немой фильм, прототипом главного героя которого был ее отец. Она окончила трудовую, как тогда называли, школу № 65 на Госпитальной, 32, незадол-

го до начала войны уехала в Баку, и больше никто ее в Одессе не видел, только подруги вспоминали еще много лет.

Брата же Лены Фельдман никто не признал. Николая Иосифовича знали, уважали и благодарны ему были все фотографии-профессоры и серьезно занимавшиеся этим делом любители за то, что он, заведя магазином "Фототовары" на Тираспольской площади, каким-то образом умудрялся обеспечивать его дефицитными тогда фотографической бумагой и пленкой фирмы "AGFA" в ГДР. А друзья любили его за доброту и отзывчивость. И частенько, дабы наблюдать его неизменную реакцию, обращали внимание на какую-нибудь встречную красавицу: "Посмотри, какая девочка!" И он пренебрежительно бросал: "Да разве это девочка? Вот у моего папы были девочки!"

У папы действительно "были девочки", но на Глухой не только у него. Летом 1911 года газета "Одесское слово" напечатала очерк журналиста, подписывавшегося псевдонимом Печорин, "Запорожская улица".

"...Из ярко освещенных закрытых решетчатых окон несется звуки вальсов, полек и разухабистых песен охрипших "девиц".

К ярко освещенным огромным красным фонарем дверям подлетает изящный автомобиль, из которого выскакивают одетые в длинные гамаши англичане. Перед ними широко распахивает двери здоровенный швейцар.

— А сколько должен стоить ентакий ахтомобиль? — почтительно спрашивает один из стоящих группой извозчик у швейцара.

— Десять тысяч! — авторитетно заявляет вопрошаемый.

— Э-э! Кабы такие грибы, да у меня, купил бы у Мары Ивановны заведение.

К парадному ходу подъезжает закрытая карета. Из нею выходит какой-то старичок, который, оглядевшись, шмыгает к двери.

— Да ты, знаешь, Митя, у этого самого старичка-то уж внучата имеются, один сын дохтур, а другой — аблакат.

— Ну! И к Иосыке приезжает?

— Да не только он, но и сыновья, у которых жены имеются.

— Вот бестия!

...К утру, как только небо начинает бледнеть и звезды исчезать, улица постепенно замирает".

Керченская мещанка Марья Ивановна Кайданова, у которой упомянутый извозчик не прочь был приобрести "заведение", до запрещения домов терпимости в центральной части города держала таковой в Щепном переулке, который еще со времен, когда назывался Овсяным, по количеству явных и тайных этих заведений был под стать Кривой улице.

А на Кривой ее заведение располагалось в доме № 7, аккурат напротив дома терпимости Фельдмана, с которым она никоим образом не конкурировала, поскольку у каждого была своя клиентура, и хватало ее с лихвой. Правда, время от времени какой-нибудь постоянный клиент исчезал и оставшиеся верными заведению его приятели с усмешкой сообщали, что он, дескать, недавно обвенчался в Сретенской церкви в центре Нового базара и сюда уже не ходок, потому как состоит в законном браке. Но однажды один молчавший до поры до времени приятель неожиданно разразился цельным монологом. "Легкомысленные ваши усмешки, господа, тут совершенно ни к чему. Можно придти сюда к Марье Ивановне и без всяких хлопот получить то, что тебе сейчас нужно и от кого тебе сейчас нужно. А можно долго ухаживать за дамой, подносить ей цветы, ходить на свидания, укутывать ее плечи своим пиджаком, заглядывать в глаза и шептать нежные слова, прежде чем обрести с ней супружеское ложе. Равным образом можно отправиться с утра на Большой Фонтан, посидеть несколько часов на прогретой солнцем скале, наловить бычков и принести домой. А там супруга вымоет их, почистит, жарит на постном масле, выложит на тарелку и подаст тебе вместе с помидорами. И вкушай их в свое удовольствие за семейным столом. А можно отправиться в гастрономический магазин, купить жестяную коробку с красочной литографированной надписью "Бычки в томате" Черноморско-Азовской фабрики консервов Софьи Богдановны Фальц-Фейн на Балковской, 179, дома вспороть ее ножом и прямо из коробику скушать их на покрытом пожелтевшей газетой холостяцком столе. Быстро это, легко, удобно и никакой возни. Только нельзя же

всю жизнь питаться одними консервами", — назидательно заключил он и... отправился с девушкой в ее комнату на втором этаже.

Марья Ивановна и Иося Фельдман не писали друг на друга доносы в полицию и не поджигали заведения друг друга. Более того, пребывали в самых добрых отношениях, при встречах любезнейшим образом раскланивались, если нужно было, помогали друг другу советом и делом, при необходимости пополнить заведение новыми девушками пользовались услугами одной и той же факторши Енты, которая тоже жила на Глухой улице. Если же какая-нибудь барышня в их заведении забеременела, оба они обращались к известной "абортной дел мастерице" Юлии Марковской, которая, впрочем, "обслуживала" все дома терпимости на Молдаванке.

Правилами содержания домов терпимости предписывалось содержательницам "устранять с их (беременных, — Р. А.) женщин от употребления" и строго воспрещалось "прибегать к каким-либо средствам для истечения начала беременности у публичных женщин". Но в большинстве случаев содержательницы домов терпимости, не желая терять состоящих в заведениях проституток, бесцеремонно принуждали их к абортам: "Кому ты, идиотка безмозглая, будешь нужна со своим байстриком! Поддохнешь у меня под забором, но я тебя взад не возьму!" И так далее, и в таком же духе. А бедной женщине, большей частью приезжей, невдомек было, что на Старопорто-Франковской, 24 есть Общество призрения младенцев и родильниц, а в Разумовском переулке, 4 — Дамское общество вспомоществования бедным родильницам, которое "оказывает вспомоществование бедным всякого вероисповедания родильницам, доставляет им возможность пользоваться медицинским пособием, необходимыми лекарствами, а также выдает денежные пособия". И калечили они себя, и счастье материнства лишались уже навсегда.

Однажды некий купец, фамилия которого затерялась на долгом пути этой истории в XXI столетие, обвинил Марью Ивановну в том, что его сын не где-нибудь, а в ее заведении от Матары, она же дворянка Елизавета Измайлова, Хаи Квас или какой-то другой девицы заразился дурной болезнью. Купец составил необходимую бумагу и подал ее мировому судье 15-го участка, в котором числилась Запорожская улица, Владимиру Леонидовичу Жеребко, а тот назначил разбирательство в своей камере, то есть помещении суда, на Госпитальной, 51. В назначенное время Марья Ивановна явилась туда в боа из страусовых перьев, которое видело лучшее времена, и с саквояжем коричневой кожи, с какими доктора делали визиты. Когда же судья спросил ее, что она может сказать в свое оправдание, Марья Ивановна вышла к судейскому столу с этим саквояжем, достала из него и показала "желтые билеты", из коих видно было, что все ее девицы регулярно подвергаются врачебному осмотру. "А что мне говорить, нехай лучше этот мусью, — она, не поворачиваясь к нему, театральным жестом показала на купца, — нехай этот мусью скажет своему наследнику, пусть не таскается по шлюхам!" Она имела в виду, что в ее заведении ничего подобного, постыдного и печального, просто не могло произойти. За отсутствием доказательств судья отказал купцу в иске, а студенты-юристы Новороссийского университета, которые для практики ходили на интересные заседания, наградили Марью Ивановну дружными аплодисментами и громким хохотом, потом еще долго повторяли: "Пусть не таскается по шлюхам!" Девицы же в ее заведении по этому поводу долго веселились и в который раз решили, что за хозяйкой своей они, как за ракушкой стеной.

Дом терпимости Мары Ивановны Кайдановой был известен, пожалуй, не меньше, нежели такое же заведение Иосыки Фельдмана, и так же, как оно, пусть одним только упоминанием, но осталось в литературе. А она хорошо "знает", мимо чего можно пройти, а что хорошо бы и оставить, чтобы не стала Одесса перед будущими читателями полустертой монетой. В романе Льва Исаевича Славина "Наследник" молодой человек, первый в своей компании сверстников, с наступлением вечера вопрошает: "Джентльмены! Надо решать, куда мы сегодня идем. Маскарад, клуб или заведение Мары Ивановны?" И читатели — земляки и современники автора — понимали, о чем идет речь.